

RU

Прецедентность в ироническом художественном дискурсе: функционально-прагматический аспект

Кузнецова А. В.

Аннотация. Цель исследования - определить функционально-прагматические особенности реализации прецедентности в ироническом художественном дискурсе. В статье рассматриваются многоуровневые корреляции прецедентности и иронии, определяющие маркеры иронического контекста и иронических импликаций в художественном дискурсе, способствующие реализации авторских интенций в художественной коммуникации и позволяющие адресату корректно интерпретировать ироническую коммуникацию персонажей и авторскую ироническую оценку. Научная новизна исследования состоит в обосновании взаимовлияния иронии и прецедентности в продуцировании художественного дискурса, манифестирующего не только индивидуально значимые и национально обусловленные, но и универсальные смыслы. Результаты исследования доказывают, что прецедентные феномены могут выступать в художественном дискурсе в качестве маркеров иронического контекста. Иронический смысл всегда имеет имплицитный характер, однако он должен быть обязательно интерпретирован адресатом в соответствии с авторским замыслом. Прецедентность и ирония в сказке Е. Л. Шварца «Дракон» образуют сложный синтез, обуславливающий «достраивание» смыслов дискурсивного пространства в процессе рецептивно-интерпретативной деятельности адресата и осуществление художественной коммуникации как диалога автора и читателя (зрителя): ирония не может быть декодирована адресатом вне корректного «распознавания» прецедентных феноменов, выступающих ее маркерами.

EN

Precedence in Ironic Fiction Discourse: A Functional and Pragmatic Aspect

Kuznetsova A. V.

Abstract. The aim of the research is to determine the functional and pragmatic features of precedence implementation in ironic fiction discourse. The paper examines multilevel correlations of precedence and irony, which make it possible to identify markers of ironic context and ironic implicatures in fiction discourse contributing to the implementation of the author's intentions in fiction communication and allowing the addressee to interpret correctly the ironic communication of characters and the author's ironic assessment. Scientific novelty of the research lies in substantiating the mutual influence of irony and precedence in the production of fiction discourse manifesting not only individually significant and nationally conditioned meanings but also universal meanings. The research findings prove that precedent phenomena can act as markers of ironic context in fiction discourse. The ironic meaning is always implicit, but it must be interpreted by the addressee in accordance with the author's intention. Precedence and irony in E. L. Schwartz's play "The Dragon" form a complex synthesis that determines the "completion" of meanings of the discursive space in the process of receptive and interpretative activity of the addressee and the implementation of fiction communication as a dialogue between the author and the reader (viewer): irony cannot be decoded by the addressee without the correct "recognition" of precedent phenomena that act as its markers.

Введение

Актуальность исследования обусловлена растущим в последние два десятилетия интересом к проблематике художественного дискурса, которая, в сущности, сводится к ответу на фундаментальный вопрос о способах воплощения эстетического в тексте, художественной коммуникации и языке как системе. Можно с уверенностью утверждать, что именно дискурс, являющийся одним из центральных объектов изучения в лингвистике и литературоведении, определяет сейчас векторы развития наук филологического цикла.

Трактовка дискурса становится более аргументированной, если сфера его исследования включает и понимание текста. Так, важнейшие значения термина *дискурс* на основе сопоставления этих двух центральных для лингвистики понятий позволяют определить дискурс как связный текст; устно-разговорную форму текста, диалог, группу высказываний, которые связаны друг с другом по смыслу, а также как речевое произведение, письменное или устное (Николаева, 1978, с. 467). Классическим является определение, данное дискусу Н. Д. Арутюновой (1990): это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» (с. 136-137).

Для отечественной лингвистики одной из важнейших характеристик дискурса является его «миросозидающий» потенциал, т.к. «особое использование языка влечет активизацию некоторых черт языка и в конечном счете особую грамматику и особые правила лексики. И, в свою очередь, создает особый “ментальный мир”» (Степанов, 1995, с. 38-39). Дискурс формирует особый мир в сознании коммуникантов, что позволяет квалифицировать его как «язык в языке» (Степанов, 1995), обуславливая тем самым и возможность применения этого термина в отношении эстетической коммуникации: художественный дискурс, когда мы ведем речь о художественной литературе, является конструктом, обладающим особыми средствами, которые, однако, не могут быть изолированными от влияния системы общенационального естественного языка.

Задачи исследования заключаются в обосновании коррелятивных связей прецедентности, иронических импликаций и иронического контекста в художественном дискурсе, в определении маркеров иронических контекстов, в которых реализуется прецедентность сказки Е. Л. Шварца «Дракон» (Шварц Е. Л. Дракон. 1943. URL: https://thelibrary.ru/books/shvarc_evgeniy_lvovich/dragon-read.html), и выявлении прагматических особенностей прецедентности в художественном дискурсе Е. Л. Шварца.

Методы исследования включают индуктивно-дедуктивный метод, методы семантического анализа и филологической интерпретации текста, примененные в рамках функционально-прагматического подхода.

Теоретическую основу исследования составляют работы по проблематике текста и дискурса, в том числе и художественного (Grice, 1989; Гальперин, 2005; Москальчук, 2018), а также труды, посвященные различным аспектам прецедентности и функционированию прецедентных феноменов (Гудков, 2003; Красных, 2002; Караулов, 2010; Степанов, 1995), реализации иронии и формированию иронического контекста (Ермакова, 2002; 2007; Сергиенко, 1994).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских дисциплин «Теория языка», «Филологический анализ текста», проведения спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам прецедентности в культуре и литературе, художественного текста и дискурса.

Основная часть

Функциональное взаимодействие прецедентности и иронического контекста в художественном дискурсе

Значения термина *дискурс*, объективированные в различных его определениях, могут быть сведены к некоторому комплексу принципиально важных параметров дискурса: тяготение дискурса к большему объему, чем предложение и текст; единицей дискурса выступают высказывания и речевые акты; дискурсу свойственны перформативность речевых актов и соответствие особому «ментальному миру» (Степанов, 1995); коммуниканты включены в поле социального взаимодействия; для дискурса всегда важны экстралингвистические факторы коммуникации.

Основная цель художественного дискурса состоит в воздействии на адресата, а также в сохранении культурных кодов, на основании которых могут возникать совершенно новые смыслы и значения. Преимущество текстов обуславливает прецедентность художественного дискурса, которая в настоящий момент осознана как существующая в художественной литературе априори. В осмыслении прецедентности отечественная лингвистика отталкивается от понятия прецедентного текста, зафиксированного в сознании представителя конкретного лингвокультурного коллектива и представляющего собой факт культуры, при этом он значим для носителя языка, а значит, в его дискурсе возобновляем (Караулов, 2010, с. 216). Прецедентный текст в таком понимании соотносится исключительно с художественным дискурсом и текстом, что обуславливает необходимость обращения к понятию прецедентного феномена. Прецедентные феномены закрепляются в сознании носителей языка, воспроизводятся в повседневном дискурсе, что определяет их значимость для национальной и мировой культур. Классификации прецедентных феноменов, опирающиеся на различные критерии, позволяют выделить автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены. Также говорят о прецедентном тексте, прецедентном высказывании, прецедентной ситуации и прецедентном имени (Гудков, 2003; Красных, 2002).

Безусловно, прецедентные феномены обуславливаются в своем функционировании фоновыми знаниями коммуникантов, ситуацией общения, а также ко-текстом (Cutting, 2006), образующими в совокупности контекст коммуникации. Однако художественный дискурс, обладающий смысловой многомерностью, может репрезентировать (и часто обращен именно к такому вектору развития коммуникативной ситуации) несоответствие

значений высказывания и значений говорящего, т.е. сокрытие говорящим своих намерений. В этом случае обращение к понятию контекста позволяет выявить и описать собственно функциональную природу этого лингвистического конструкта, а сама непрямая коммуникация получает наиболее обоснованные характеристики, включающие не только непосредственные обстоятельства, в которых она совершается, но и социокультурные нормы, традиции и пр.

Особо сложными являются случаи, когда в художественном дискурсе прецедентные феномены функционируют в контексте иронической коммуникации. Лингвистика трактует иронию как диалогическую импликацию и противоположность знака и смысла (Дементьев, 2006; Ермакова, 2002; 2007), как эстетическую и языковую категорию (Сергиенко, 1994), при этом постулируется отсутствие каких-либо лингвистических средств, которые были бы свойственны исключительно иронии.

Иронические намерения продуцента дискурса определенным образом маркируются, иначе ирония может завершиться коммуникативной неудачей. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что и сам термин *ирония* до недавнего времени трактовался исключительно как разновидность тропа, по своей структуре напоминающего антифразис, что не только редуцировало объект рассмотрения, но и фиксировало его суть исключительно в лексической сфере, однозначно указывая на насмешку как основную цель иронии. Очевидно, что и само состояние общественного сознания эпохи постмодерна, и развитие гуманитарной научной парадигмы в русле антропоцентризма обозначило главную проблему – определить особенности иронии как типа мировоззрения, которое в определенной степени обуславливает коммуникативно-прагматические доминанты дискурса ироника как носителя такого мировоззрения.

Художественный дискурс, ориентированный на реализацию иронии, представляет собой многоуровневую систему, в которой ирония маркируется особым образом. Причем адресат художественного дискурса должен корректно интерпретировать как ироническую коммуникацию персонажей, так и авторскую ироническую оценку. В любом случае анализ иронии как способа восприятия мира и комплекса авторских ценностных ориентаций не может быть адекватным вне привлечения методологии когнитивной лингвистики и лингвопрагматики.

Прагматика прецедентности в ироническом художественном дискурсе Е. Л. Шварца

Ирония характеризуется концептуальным и контекстуальным значением, при этом лингвистика акцентирует внимание и на иронии как языковой игре, основанной на соединении несоединимого. Основной чертой иронии является доставляемое ею эстетическое наслаждение от психических и познавательных процессов, которые должны завершиться ее адекватным декодированием. При этом поливариативность интерпретации художественного дискурса ограничивается теми координатами, которые заданы интердискурсом автора, персонажа и читателя.

Безусловно, декодирование иронической импликации – процесс сложный, основанный на выявлении средств иронии, среди которых фоновые знания адресата дискурса занимают центральное место. Художественный дискурс может характеризоваться применением иронии, обусловленной ситуативно, однако определяющей в ироническом мировосприятии автора может стать ирония, маркерами которой выступают прецедентные феномены, вне интерпретации которых читателем ее реализация оказывается невозможной. По всей видимости, в таком случае ирония обнаруживает сложную структуру, связанную не только со смехом, а ее прагматика ориентирует адресата на осмысление трагизма жизни. Такие маркеры иронии в тексте В. Александров (2002) именуется герменевтическими указателями: они определяют возможные варианты интерпретации художественного дискурса.

Особая роль прецедентности в художественном дискурсе обеспечивается взаимодействием культурных кодов в этом дискурсивном пространстве, при этом прецедентность, понимаемая как в целом «чужое слово» (имена авторов, персонажей, заглавия произведений художественной словесности, названия произведений других видов искусства (кинематограф, живопись, скульптура), цитаты и афоризмы и пр.), осложнена контекстуальным употреблением и лишена возможности репрезентации в невербальной коммуникации продуцента такого дискурса. Одним из перспективных объектов исследования в этой связи представляется драматургический текст, который по самой своей природе ориентирован на прагматическое воздействие, к тому же содержит авторские ремарки, способствующие уточнению невербальных реакций действующих лиц на то или иное действие, в том числе и речевое. В этом плане ирония и прецедентность составляют сложное единство, двойственно воздействующее на предполагаемого адресата: с одной стороны, эта ирония должна быть декодирована читателем (зрителем), с другой – в соответствии с авторским замыслом, она должна быть имплицитно зафиксирована в художественном тексте, но все же иметь такие контекстуальные маркеры, которые позволяли бы распознать конкретную ситуацию или художественный образ как иронические.

Такой механизм становится главенствующим в художественном дискурсе драматургических сказок Е. Л. Шварца (1896-1958), а «сказка в трех действиях» «Дракон» (1943, премьера – 1944), на наш взгляд, репрезентирует особый синтез прецедентности и иронии. Именно эти функционально-прагматические и лингвокогнитивные феномены позволяют также рассматривать художественную коммуникацию как диалогическую по своей сути, а рецептивно-интерпретативная деятельность адресата мыслится как «дистраивание» смыслов дискурсивного пространства.

Драматургическая сказка «Дракон» представляет собой совокупность сюжетных и мотивных аллюзий и реминисценций сразу к нескольким источникам – от фольклорных сказок народов мира о противостоянии дракону до космогонических мифов, при этом центральное место здесь занимает сюжет сказки юго-восточного

происхождения о драконе, которого нельзя победить: каждый новый его победитель сам становится драконом, и только юноша с чистыми помыслами и прекрасной душой может одолеть этого волшебного противника.

Корректное декодирование прецедентных феноменов в художественном дискурсе сказки «Дракон» обеспечивается не точным соотношением с конкретной сферой-источником, хотя такие сферы весьма разнообразны и принципиально узнаваемы практически всеми носителями русской лингвокультуры. Основная прагматическая нагрузка принадлежит именно контекстам, которые квалифицируются как иронические, а наличие в таких контекстах прецедентных феноменов выступает в качестве маркера иронии как таковой. Так происходит потому, что авторские интенции и художественный замысел в целом ориентированы на отсылку к современной Е. Л. Шварцу исторической эпохе, одной из самых сложных в истории государства. Очевидно, что семантическое пространство художественного дискурса расширяется за счет смыслов, которые привнесены в него не только прецедентными феноменами, намеренно включаемыми автором, но и на основании интерпретации адресатом художественных образов и сюжетных ситуаций, которые соотносимы с жизнью личности, страны, мира в XXI в. Важно и то, что художественный дискурс сказки «Дракон» характеризуется функционированием в нем таких смыслов универсального характера, которые присущи мировой культуре.

Иронический контекст функционирования прецедентности в сказке «Дракон» создается за счет обращения к морфологическим и сюжетным признакам волшебной сказки, при этом он начинает активно проявляться, когда автор намеренно отказывается от архетипически закрепленного в жанровой модели волшебной сказки (Пропп, 2001), обращаясь к тому, что прецедентно для русской и советской культур. Так, в следующем фрагменте вполне ясны соответствия событий сказки и исторической ситуации в Европе 1940-х годов в условиях инициирования гитлеровским фашизмом геноцида различных национальностей, включая и цыган:

«Ланцелот. А что он еще сделал доброго?

Шарлемань. Он избавил нас от цыган.

Ланцелот. Но цыгане – очень милые люди.

Шарлемань. Что вы! Какой ужас! Я, правда, в жизни своей не видал ни одного цыгана. Но я еще в школе проходил, что эти люди страшные.

Ланцелот. Но почему?

Шарлемань. Это бродяги по природе, по крови. Они враги любой государственной системы, иначе они обосновались бы где-нибудь, а не бродили бы туда-сюда. Их песни лишены мужественности, а идеи разрушительны. Они воруют детей. Они проникают всюду. Теперь мы вовсе очистились от них, но еще сто лет назад любой брюнет обязан был доказать, что в нем нет цыганской крови» (Шварц, 1943). При том, что в приведенном фрагменте отсутствует обращение к какому-либо конкретному тексту в широком смысле, прецедентность сюжетной ситуации вполне может быть декодирована адресатом, что, в свою очередь, акцентирует внимание на иронических импликациях. Представляется, что косвенными признаками наличия здесь авторской иронии служат отдельные реплики действующих лиц, оформленные интонационно особым образом («А что он еще сделал доброго? <...> Что вы! Какой ужас!»).

При создании иронического контекста для функционирования прецедентности Е. Л. Шварц обращается и к архетипическим сюжетам, которые, однако, дискредитированы автором различными языковыми средствами. Так, история борьбы с драконом описана вначале с позиций космогонического мифа и модели волшебной сказки: «Шарлемань. ...с ним часто сражались, но он убивал всех своих противников. Он удивительный стратег и великий тактик. Он атакует врага внезапно, забрасывает камнями сверху, потом устремляется отвесно вниз, прямо на голову коня, и бьет его огнем, чем совершенно деморализует бедное животное. А потом он разрывает когтями всадника. Ну, и в конце концов против него перестали выступать...» (Шварц, 1943). Высказывания героя представляют собой иронические импликация, т.к. в них употреблены лексемы и лексические сочетания, характеризующиеся активным употреблением в XX в. (*стратег, тактик, атакует, деморализует*).

Иронический контекст организован в художественном дискурсе таким образом, чтобы авторские интенции способствовали продуцированию прецедентности на основе жизненного опыта адресата. Драматургический текст содержит такие макроконтракты, в которых несложно усмотреть аналогии с реальной действительностью, что, собственно, и обнаруживает тесное взаимодействие прецедентности и трагической иронии:

«Шарлемань. Город наш дает ему тысячу коров, две тысячи овец, пять тысяч кур и два пуда соли в месяц. Летом и осенью сюда еще добавляется десять огородов салата, спаржи и цветной капусты.

Ланцелот. Он объедает вас!

Шарлемань. Нет, что вы! Мы не жалуемся. А как же можно иначе? Пока он здесь – ни один другой дракон не осмелится нас тронуть.

Ланцелот. Да другие-то, по-моему, все давно перебиты!

Шарлемань. А вдруг нет? Уверяю вас, единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного» (Шварц, 1943). Автор обращается к характеристике психологии власти: она формирует и поддерживает в сознании обывателя образ врага для упрочения собственных позиций.

Однако вовсе не ироническое отношение к обычным горожанам – основная характеристика авторских интенций в этой сказке. Упрочение власти дракона обусловлено самой психологией горожан, которые боятся за собственную жизнь, не желают отказаться от привычного уклада жизни, не обладают активной жизненной позицией:

«Ланцелот. Вы говорите, что у вас очень тихий город?

Эльза. Конечно.

Ланцелот. А... а дракон?

Шарлемань. Ах это... Но ведь мы так привыкли к нему. Он уже четыреста лет живет у нас» (Шварц, 1943).

Мотив бездуховности, утраты собственной души обозначен уже в первом действии сказки: «Ланцелот (входит, оглядывается, зовет). Господин хозяин! Госпожа хозяйка! Живая душа, откликнись! Никого... Дом пуст, ворота открыты, двери отперты, окна настезь» (Шварц, 1943). Деспотия дракона обладает неограниченной властью, потому что нет тех, кто может противостоять ему, он уже уничтожил все живые души.

Прецедентность в дискурсивном пространстве сказки «Дракон» Е. Л. Шварца функционирует всегда в иронических контекстах, при этом сами иронические импликатуры могут быть адекватно декодированы и корректно интерпретированы адресатом именно за счет обращения автора к прецедентным феноменам равноуровневой принадлежности. Несомненно, диалектический характер взаимодействия авторской трагикомической иронии и прецедентности сообщает идиостилю Е. Л. Шварца особую оригинальность, способствующую сохранению репутации его произведений как классических, востребованных многими поколениями читателей и зрителей.

Заключение

Изучение функционирования прецедентности в ироническом художественном дискурсе Е. Л. Шварца позволило прийти к следующим выводам:

1. В художественном дискурсе могут быть репрезентированы случаи несовпадения значений высказывания и значений говорящего, когда говорящий (автор или персонаж) скрывает свои коммуникативные намерения. Функциональная природа таких случаев непрямого общения может быть непротиворечиво описана через понятие контекста, в который в широком смысле включены не только непосредственные условия общения, но и социокультурные нормы, традиции и пр. В отношении художественного дискурса эффективно понимание контекста не только как ближайшего окружения языковых единиц или высказываний, но и как того семантического пространства, которое продуцируется посредством авторских интенций и декодирования смыслов адресатом.

2. Прецедентность в художественном дискурсе может функционировать в контексте иронической коммуникации, причем ирония в таком случае маркируется самими прецедентными феноменами для ее корректной интерпретации адресатом как в зоне авторских интенций и оценок, так и в отношении вербального взаимодействия персонажей, в случае отсутствия корректного декодирования прецедентных феноменов реализация иронии может завершиться коммуникативной неудачей. В случае тесного взаимодействия иронического контекста и прецедентности прагматика иронии ориентирует адресата не только на комическое восприятие, но и на осмысление трагизма художественного дискурса и, как следствие, самого бытия.

3. Сложное единство, образуемое ироническим контекстом и прецедентностью, двойственно воздействует на предполагаемого адресата: авторские интенции ориентируют на имплицитность иронии в художественном дискурсе, однако декодирование иронии в художественном дискурсе обязательно при опоре на ее контекстуальные маркеры, которыми и становятся равноуровневые прецедентные феномены.

Перспективы исследования заключаются в возможности построения моделей иронических контекстов для выявления специфики идиостиля конкретного автора художественного текста, а также для определения прагматических особенностей художественного дискурса, иронические импликатуры которого оказываются ориентированными, даже вне авторских интенций, на обобщения универсального характера, «разомкнутость» исторического времени. Кроме того, изучение прецедентности в ее функционировании в художественном дискурсе способствует уточнению характера связей художественного познания и рецептивно-интерпретативной деятельности адресата, выявлению механизмов вторичного семиозиса художественного текста и лабильности границ его семантического пространства. Тем самым открывается возможность рассмотреть прагмасемантические доминанты художественного текста и художественного дискурса, позволяющие судить о произведениях художественной литературы как о приобретающих качества высокой классики, вписывая таким образом такой вектор исследования в рамки лингвопоэтики и лингвоэстетики.

Источники | References

1. Александров В. Другость: герменевтические указатели и границы интерпретации // Вопросы литературы. 2002. № 6.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд-е 3-е, стер. М.: УРСС, 2005.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.
5. Дементьев В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
6. Ермакова О. П. Ирония и проблема лексической семантики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4.
7. Ермакова О. П. Ирония среди тропов // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки славянской культуры, 2007.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ; УРСС Эдиториал, 2010.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
10. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. Изд-е 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.

11. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступит. ст. Т. М. Николаевой.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.
13. Сергиенко А. В. О природе иронии как проявлении импликации (на материале прозы Гейне) // Семантические процессы на разных уровнях языковой системы: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Л. И. Баранникова. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994.
14. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 1995.
15. Cutting J. Pragmatics and Discourse. A Resource Book for Students. N. Y.: Routledge, 2006.
16. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

Информация об авторах | Author information

RU**Кузнецова Анна Владимировна¹**, д. филол. н., проф.¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону**EN****Kuznetsova Anna Vladimirovna¹**, Dr¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don¹ avkuznetsova@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.11.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): прецедентность; иронический контекст; художественный дискурс; авторская интенция; прагматика; precedence; ironic context; fiction discourse; author's intention; pragmatics.